

протяжении последних 120 лет¹². Последний звон литавр, в котором, как я с облегчением отмечаю, может быть выделена и более осторожная нота, прозвучал совсем недавно¹³. Если верить большинству этих сигналов, я был чрезвычайно плодовит. И так, я написал, или почти написал, активно способствовал созданию, собирал или явно вдохновлял и наблюдал за работой над всеми текстами, связанными с моим именем; я даже способствовал созданию сочинений, носивших имена других авторов. «До известной степени» мое творчество как бы включало первые четыре книги Продолжателя Феофана, вне всяких сомнений — биографию моего деда Василия I, выполненную «моей собственной рукой», трактат «О церемониях», Введения к «моей» Энциклопедии, «Книгу царей» Генесия, — это если просто упомянуть несколько названий, пришедших на ум, — и даже трактат, называемый *Περὶ ἔθνων* и поэму в честь издателя медицинского трактата; этих двух последних достижений я совершенно не удержал в памяти¹⁴. Я также

¹² Трех трудов будет достаточно, чтобы проиллюстрировать эту точку зрения: *Rambaud A. L'Empire...* (ср. примеч. 9 выше), особенно P. 51—174 (замечательный для своего времени); *Lemerle P. Le premier...* (см. примеч. 6), особенно P. 267—300 (монография П. Лемерля — действительно выдающаяся работа; затруднение с его оценкой Константина состоит в том, что автор сосредоточивается на проблеме эллинизма, т.е. на судьбе эллипской и эллинистической традиции в Византии. Такая установка уместна для изучения этой традиции, но не question mal posée для изучения самого Константина; *Toynbee A. Constantine Porphyrogenitus and His World. L., 1973*, особенно P. 575—605. (Книга разочаровывает, несмотря на известность автора и «обилие» свидетельств). Все три работы отзываются о Константине очень лестно. Все же, когда исследователи оценивают совокупность императорских трудов, включая степень его собственного участия в ней, они подходят к теме критически и обнаруживают некоторые недочеты в интеллектуальной деятельности Константина. Именно абсурдные панегирики второстепенных авторов дискредитируют дело Константина и вводят в заблуждение непосвященного, например: *Stránský A. Costantino VII Porfirogenito, amante delle arti e collezionista: Atti del V Congresso Internazionale di Studi Bizantini. Vol. 2. // Studi Bizantini e Neoellenici. 1940. Vol. 5. 2. P. 412—422.*

¹³ Литавры: это слово передает ἡ ταυρέια послания из Урануполиса. Снисходит ли здесь царственный автор до каламбура? Так как ἡ ταυρέια, засвидетельствованная в «Геопониках», по русски «литавры», Константин, возможно, имеет в виду недавнюю публикацию: *Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1989 (2-е изд. 1991). С. 10—30 (Введение Г. Г. Литаврина). Введение является хвалебным в полном смысле слова (С. 15: Константин заполнял свой досуг ознакомлением с наследием античной литературы), но все же содержит некий элемент сомнения (С. 15—16: Слава об учености Константина была сильно преувеличенной).*

¹⁴ О первых четырех книгах Продолжателя Феофана, выполненных, так сказать, Константином VII, см.: *Bury J. The Treatise... P. 570; также ср.: P. 576.* Дж. Б. Бьюри был введен в заблуждение риторическим стилем Введения к первой книге. Современных ученых, которые считают Константина автором Жития Василия I, — legion. Вот пять последних примеров: *Tartaglia L. Livelli stilistici in Costantino Porfirogenito // JÖB. 1982. Bd. 32/3. S. 198; Lesmüller-Werner A. Byzanz am Vorabend neuer Größe. Wien, 1989. S. 12; Anagnostakes E. Το ελεῖσθιο... (см. примеч. 68 ниже), 376; Haldon J. F., Constantine Porphyrogenitus, Three Treatises on Imperial Military Expeditions // CFHB. 1990. Vol. XXVIII, Series Vindobonensis, passim; *Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. / Пер., ст., коммент. Я. Н. Любарского. СПб., 1992. С. 244.* В отношении оценки Введений к Энциклопедии ср.: *Lemerle P. Le premier humanisme... P. 282; на С. 285 мы читаем, что Константин самолично построил огромную машину Эксерпт. То, что существовал «антикварный трактат»,**